

Мягкие, по-осеннему неуверенные солнечные лучи нехотя пробивались через плотное кружево портьер. Оставляя причудливые блики на потолке, стенах, отражаясь в зеркалах, они постепенно заполняли собой просторную комнату. Позевывая, выбрался из своей корзинки спаниель и, бесшумно ступая по паркету мягкими лапами, потрусил к кровати. Ткнувшись холодным носом в плечо спящей хозяйки, пес улегся на домашние туфли и приготовился к терпеливому ожиданию утренней прогулки. Однако в этот раз ждать пришлось недолго. Вначале из-под одеяла появилась маленькая аккуратная ступня и, спихнув пса с насиженного места, спряталась обратно. Буквально через несколько минут весело зажурчала вода в ванной, оповещая домашних о том, что сегодня Елизавета чрезвычайно занята и, вероятно, очень торопится. Няня Софья Илларионовна облегченно вздохнула. Сегодня она была освобождена от утомительного ритуала утреннего пробуждения своей любимицы, отнимавшего у пожилой женщины немало времени и сил. «Взрослеет девочка. Оно и понятно, новая жизнь на пороге...» — ласково подумала она, принимаясь за привычные утренние дела.

Весело напевая, Лиза стремительно выскочила во двор. Волна непривычной после утомительно жаркого и пыльного лета свежести окатила девушку

с ног до головы, заставляя поднять воротник модного плаща и ускорить шаг. Нырнув внутрь красного «Пежо» и включив печку, Лиза перевела дух. Достав из сумки новенький органайзер, она с удовольствием принялась изучать расписание намеченных на сегодня дел.

Итак, 7 сентября:

10.00 — встреча в адвокатской конторе «Законность».

13.00 — обед в «Поросятах».

16.00 — спортивный клуб.

19.00 — Макс и максимум удовольствий!

Последний пункт, помеченный жирным восклицательным знаком, не вызывал у Лизы ни малейших сомнений.

Адвокатская контора «Законность» располагалась в престижном месте деловой части города. Припарковав машину неподалеку от помпезного входа в адвокатское святилище, Лиза решила скоротать время, прогуливаясь вдоль сверкающих магазинных витрин. Меряя шагами тротуарные плиты, девушка, заметно нервничая, поглядывала на проезжавшие машины, ожидая увидеть знакомую машину отца. Она понимала, что повода для беспокойства у нее нет и вопрос о ее зачислении в штат сотрудников самой престижной адвокатской фирмы города уже практически решен. Однако пьянящее чувство начала взрослой самостоятельной жизни, лихорадочное возбуждение последних дней не давали Елизавете покоя. Поминутно поглядывая на часы, девушка сосредоточенно следила за плотным утренним потоком машин. Наконец, ровно за пять минут до назначенной встречи, сверкая серебристыми боками, к конторе подкатил знакомый «Мерседес». За серыми спинами ох-

ранников показалась массивная, даже несколько грузная фигура отца.

— Привет, лисенок! — ласково улыбнулся отец, внимательно оглядывая Елизавету с головы до ног. От его цепкого взгляда не ускользала даже самая незначительная деталь Лизино туалета. Будучи человеком чрезвычайно требовательным к себе и окружающим, Герман Андреевич Дубровский отличался крайней нетерпимостью ко всем проявлениям типичной русской расхлябанности, к числу их он относил и неопрятный внешний вид. Редкий педантизм и занудные нотации, впрочем, давали свои плоды, но пока только на ниве воспитания собственных детей.

Оставшись довольным результатами беглого осмотра, Герман Андреевич, взяв под руку дочь, вошел в просторный холл адвокатской фирмы.

Отделанное в духе современного евроремота помещение конторы тем не менее не было лишено индивидуальности. Массивная офисная мебель, глубокие кожаные кресла, шкафы с мерцающими золотым тиснением корешками книг придавали всей обстановке классический дух респектабельной стабильности, который вселял в посетителей непоколебимую веру в профессионализм здешних адвокатов. И действительно, немногочисленный штат сотрудников фирмы можно было по праву отнести к адвокатской элите. Обладая необходимыми связями, а также опытом прежней деятельности в правоохранительных органах города и области, адвокаты без особого труда добивались результатов по наиболее сложным и запутанным делам. Среди клиентов фирмы были известные руководители предприятий, банков, депутаты, первые лица областной и городской администрации. Список клиентов, безусловно, являлся бы лучшей рекламой деятельности адвокат-

ской конторы, но фирма «Законность» в ней не нуждалась. Соблюдая строгую конфиденциальность, сотрудники фирмы дорожили своей профессиональной репутацией. За тяжелыми дубовыми дверями оставляли свои тайны проворовавшие чиновники, уважаемые родители неразумных отпрысков, воровские авторитеты отнюдь не мелкого масштаба и даже священнослужитель, обвинявшийся в совращении малолетних прихожан. Внушительные суммы гонораров навсегда провели черту между сотрудниками фирмы «Законность» и всем остальным адвокатским миром города, зарабатывающим на жизнь составлением дешевых исков и изматывающей беготней по знакомым следователям в поисках мало-мальски платежеспособных клиентов.

Ступив на мягкое ковровое покрытие, Лиза в нерешительности остановилась. К ним навстречу уже спешила секретарша красавица Мариночка. Строгого покроя бежевый костюм с юбкой чуть ниже колена, высоченные шпильки придавали законченность образу очаровательной элегантной девушки, являвшейся как бы частью деловой атмосферы офиса.

— Добрый день, Герман Андреевич, Елизавета Германовна! Присаживайтесь. Семен Иосифович освободится через несколько минут. Могу я вам предложить чай, кофе, сок?

Отказавшись, Герман Андреевич погрузился в удобное кресло и принялся изучать журнал автомобильных новинок. Елизавета, чтобы хоть как-то справиться с нарастающим волнением, поправляла прическу перед зеркалом.

Волнения были напрасны. Выглядела она замечательно. Небольшого роста, гибкая и стройная, она казалась значительно моложе своих 23 лет. Аккуратные, четко очерченные брови, стремительно подни-

маясь от переносицы к вискам, придавали темно-карым глазам особую выразительность. Темные густые до плеч волосы контрастировали с безупречной матовой кожей лица, особое очарование которому придавала улыбка. Впрочем, лицом своим Елизавета была довольна. Немного огорчал девушку небольшой рост, столь непопулярный в эпоху длинноногих красавиц, гордо дефилирующих по подиумам мира. Высокие каблуки, на которых Лиза без усталости порхала с утра до вечера, помогали ей отчасти исправить ошибку природы. Миниатюрность, озорной нрав придавали ей образ беспечного подростка, столь привлекательного для зрелых мужчин. Однако внешний вид, словно обманчивая маска, скрывал за собой целеустремленную, деятельную натуру, наделенную изрядной долей упрямства и амбициозности. Эти черты характера Лиза унаследовала от отца, человека властного, нередко резкого в суждениях, что не мешало ему, впрочем, быть любящим отцом и надежной опорой для немногочисленных друзей.

В прошлом перспективный партийный работник, а ныне видный государственный чиновник, Герман Андреевич Дубровский являлся заметной фигурой на политическом небосводе Уральского федерального округа. Несмотря на обилие полезных знакомств с нужными людьми, тесные дружеские отношения он предпочитал поддерживать со старыми товарищами по Уральскому политехническому институту. Свою будущую супругу, выпускницу музыкального училища, Герман Андреевич покорила не столько приятной внешностью, сколько ощутимой внутренней силой. За ним как за каменной стеной, о чем мечтают миллионы женщин, можно было укрыться от житейского ненастья. Когда миновал недолгий период бытовой неустроенности, Вероника

Алексеевна с большим облегчением оставила неблагодарный педагогический труд, а с ним и мифические надежды на собственную музыкальную карьеру. Несколько нерешительная от природы, Вероника получала истинное наслаждение, занимаясь воспитанием дочери и сына, а также выполняя роль супруги известного человека. Со временем связь матери с дочерью проявлялась, пожалуй, лишь во внешнем сходстве да в некоторой мечтательности, свойственной им обеим.

От созерцания своего виртуального образа Лизу отвлек шум распахнувшейся двери. Прямо к ним, приветливо улыбаясь, семенил мелкими шажками заведующий юридической фирмой Семен Иосифович Грановский. Являясь личностью по-своему легендарной в адвокатских кругах, Семен Иосифович имел репутацию ловкого оборотистого юриста, появление которого в судебном процессе знаменовало собой залог грядущего успеха.

— Герман Андреевич, Елизавета! Милости просим! Проходите, будьте любезны! — разразился он шумными приветствиями, гостеприимно распахивая дверь своего кабинета.

Столь радушный прием несколько успокоил Лизу, и она с любопытством принялась рассматривать многочисленные дипломы хозяина уютного кабинета, развешанные по стенам. Мужчины обменивались обычными в таких случаях фразами о погоде и работе. Наконец очередь дошла и до Лизы. Оказалось, что вопрос о ее приеме на работу уже давно решен, как и следовало ожидать, положительно. Сегодняшняя встреча была лишь формальным представлением Лизы новому начальнику. Осведомившись о том, где девушка проходила стажировку, Грановский удовлетворенно кивнул.

— Замечательно, Лизонька, замечательно! Не обижайтесь на фамильярность. У меня дочь такого же возраста. Я вас беру под свою опеку. Без дела сидеть не будете. Еще на примете у меня есть неплохое консульство в одной коммерческой фирме.

Заметив недоуменный взгляд Лизы, Грановский поспешил объяснить:

— Работа юрисконсульта совсем не пыльная. Хороший гарантированный заработок каждый месяц. Опыт в хозяйственных делах. Чем плохо?

Окрыленная столь радужными перспективами, Елизавета восторженно поглядывала на отца. Выпив по рюмочке «Хеннесси», мужчины пожали друг другу руки.

— Кстати, приступить к работе можешь через недельку. Отдохни немного. Работа не убежит! — весело напутствовал Семен Иосифович возбужденную девушку.

Лиза, утонув в массивном вращающемся кресле, вертелась из стороны в сторону, словно милый озорной ребенок. Ноги на высоченных каблуках едва доставали до пола. Для завершения идиллической картины не хватало разве что жвачки во рту и розового банта на макушке. Но будущему перспективному адвокату было не до построения своего делового имиджа. Она чувствовала себя превосходно в обществе этих двух могущественных покровителей, готовых вершить ее судьбу. Избалованная дочь высокопоставленного родителя, она воспринимала все это как должное. Заманчивое будущее само плыло к ней в руки, а Лизе оставалось лишь его благосклонно принимать.

Грановский не поленился проводить гостей до порога своего офиса. Обычно он так не делал. Известный адвокат привык принимать знаки внимания

от окружающих, но никоим образом не раздавать их. Однако его сегодняшние визитеры стоили того. Лиза Дубровская обещала стать тем золотым ключиком, каким Семен Иосифович собирался открывать двери тех высоких кабинетов, которые ему пока еще не были доступны.

В приемной, развлекая скучающего клиента, работал телевизор. Популярная ведущая с первого канала сообщала последние известия:

— В скором времени начинается рассмотрение уголовного дела по обвинению Александра Суворова. Процесс обещает сенсации и разоблачения. На скамье подсудимых — около тридцати человек, членов преступной организации. На их счету — многочисленные преступления. Кровавый след «суворовцев» выходит далеко за пределы Уральского региона и охватывает не только Москву, но и ближнее и дальнее зарубежье. Аналогов этой разветвленной преступной организации в России пока нет. Большинство «суворовцев», к сожалению, еще на свободе. У правоохранительных органов есть сведения о связи главаря преступного сообщества с криминальными структурами, с чеченской диаспорой в Москве...

Грановский остановился. Указав аккуратным пальчиком, на котором, искрясь всеми гранями, нежилась массивный перстень, в сторону экрана, адвокат доверительно прошептал Лизе:

— Без особых усилий, дорогая, вы в скором времени будете зарабатывать неплохие деньги. Это я могу вам обещать... Взгляните-ка на них. Это благодатный материал, с которым нам предстоит работать. Наш клиент хочет оказаться на свободе. Скажу вам по секрету: адвокаты могут творить почти невозможное...

Маленькая речь Грановского в большей степени была адресована отцу, нежели смущенной Лизе. Се-

мен Иосифович просто из кожи вон лез, чтобы продемонстрировать Дубровскому свою готовность протолкнуть его дочь в ряды самых преуспевающих защитников. Но похоже, что Герман Андреевич не оценил его усилий:

— Я очень надеюсь, что Лиза сама сможет выбрать себе клиентов. Слава богу, мы не доедаем последнюю краюшку хлеба, чтобы связываться с таким отребьем, как те, на кого вы сейчас показываете. Я бы предпочел для девочки что-то более достойное: гражданские дела, арбитраж...

Его голос звучал резко. От недавнего благодушия не осталось и следа.

— Без проблем, — постарался загладить оплошность Грановский.

Лиза же только пожала плечами. Что до нее, то она невольно залюбовалась главным героем сегодняшнего репортажа. Внешне очень похожий на Алена Делона в молодости, Александр Суворов отличался от знаменитого француза, пожалуй, большей мужественностью. В выразительных синих глазах не было и намека на романтизм. Они смотрели на мир прямо и бескомпромиссно. Волевой подбородок как нельзя лучше свидетельствовал о непростом характере и недюжинном упрямстве молодого человека. Вокруг него кипели отнюдь не киношные страсти. Он был реален, красив и жесток одновременно. Он существовал не на экране, он жил, боролся, кружил головы женщинам где-то совсем рядом...

Черт возьми, но если ей предстоит работать с такими очаровательными бандитами, она совсем не имеет ничего против. Отец немного старомоден, с этим уже ничего не поделаешь. Но она, Лиза, скоро станет совсем самостоятельной, и последнее слово будет принадлежать только ей...

Людам не дано предвидеть будущее. Так и эта троица не могла предположить в тот погожий сентябрьский день, что судьба уже сделала свой выбор и совсем скоро каждый из них станет просто разменной картой в игре, где ставкой является жизнь. Но пока они об этом не знали и поэтому, обмениваясь прощальными любезностями, уже забыли о своих небольших разногласиях.

А с телевизионного экрана продолжал улыбаться Александр Суворов...

— Ну как, лисенок? Как тебе твое первое место работы, довольна? — спросил отец, открывая дверцу машины.

Ответ так ясно читался в сияющих глазах дочери, что он не выдержал и рассмеялся. Елизавета и вправду цвела. Улыбка, отражаясь в темных, почти черных глазах девушки золотыми искорками солнца, пряталась в уголках соблазнительных губ. Обычно слегка бледная, кожа щек порозовела. Елизавете стоило большого труда удержаться на месте, а не прыгнуть на шею к отцу с восторженным визгом. Подавив в себе детское желание, новоиспеченный адвокат Елизавета Германовна Дубровская звонко чмокнула отца в щеку.

— Папка, я тебя обожаю! — шепнула она. От ее взгляда не ускользнул немного утомленный вид Дубровского, слабая синева под глазами. — Надеюсь, у тебя все нормально?

— Да, — неопределенно махнул рукой Герман Андреевич. — Ты же знаешь, дела...

Радость часто эгоистична. Несколько минут спустя Елизавета уже мчалась на машине, позабыв тревогу за отца. Мысли ее витали где-то в будущем.

Вот она произносит заключительную речь по сложнейшему уголовному делу. Смело парируя доводы

прокурора, она не оставляет и камня на камне от первоначального обвинения. Зал восторженно внимает. Последние слова блестящего адвоката тонут в шуме оваций публики.

Следующая картинка: Судья зачитывает оправдательный приговор. На улице ее уже дожидаются настырные журналисты. «Как вам это удалось, Елизавета Германовна?..» Цветы, поздравления от благодарных родственников...

И дальше: Она со своим другом ужинает в ресторане. Играет приятная музыка. К их столу подходит очаровательный бандит с огромным букетом цветов и золотой цепью на волосатой груди. Музыка затихает. «Друзья! Позвольте вам представить адвоката, подарившего мне свободу, — обращается он к публике. — Позвольте заказать в вашу честь музыку!» Память почему-то прокручивает хорошо знакомый мотивчик «Мурки»: «Сколько я зарезал, сколько перерезал...» Тем не менее ресторанный публике восторженно аплодирует. Шум становится все громче, громче...

Действительно, откуда такой шум? Увлечшись, Лиза заставила съехать на обочину вишневую «десятку», водитель которой, очень похожий на очаровательного бандита из недавних грез, посылая проклятия на голову всех женщин за баранкой, энергично крутил пальцем у виска.

Было уже восемь часов вечера, когда Герман Андреевич, отложив в сторону бумаги, встал с рабочего кресла. Разминая затекшие суставы, он прошелся по кабинету. День выдался крайне напряженным, да и чувствовал он себя неважно. Беседа со следователем областной прокуратуры прошла, казалось бы, гладко. Но все же воспоминания давящим грузом вины опять бередили душу. Как бы хотелось ему, разорвав

завесу времени, вернуться на пять, а еще лучше на шесть лет назад, когда еще был жив Георгий...

Георгий... Порядочный человек, честный и принципиальный руководитель крупнейшего в области ликероводочного комбината «Сокол», он был не намного старше Германа Андреевича и, пожалуй, не был его близким другом. Они были товарищами, знакомыми еще с далеких студенческих лет. Товарищ... Какое замечательное и вместе с тем незаслуженно забытое слово. Именно так можно было охарактеризовать их отношения. Они мало пересекались по службе, но обычно были в курсе дел друг друга.

В то солнечное февральское утро, когда, казалось бы, зима хотела дать людям передышку, с крыш капала вполне весенняя капель. На деревья перед домом присела стая свиристелей. Они прилетали каждый год именно в феврале. После их веселого нашествия снег перед домом оказывался усыпанным остатками птичьего пиршества — красными, как кровь, ягодами. Тогда и раздался тот телефонный звонок. Захлебываясь рыданиями, женский голос в трубке сообщил, что ночью неизвестные во дворе дома жестоко избили Георгия и его зятя. Меньше чем через сутки Георгий Иванович Громов скончался в больнице, не приходя в сознание.

Если бы в те далекие февральские дни кто-то бросил Дубровскому упрек в его, пусть даже и невольной, причастности к гибели Георгия, тому бы не поздоровилось. Но сейчас, по прошествии пяти лет после гибели товарища, Герман Андреевич почти знал: если бы не он, события могли пойти по совсем иному сценарию и, возможно, Громов был бы жив. Но что он мог сделать?

Несчастье явилось в образе обаятельного молодого человека. Фамилия и имя великого полководца,

казалось, были дарованы ему судьбой неспроста. Уже впоследствии многие телеканалы мира, взбужденные событиями в маленьком уральском городке, повторяют имя Александра Суворова. Сам президент в беседе с министром внутренних дел затронет эту проблему. Но тогда... Кто мог предвидеть, что все сложится таким образом? Глава департамента сельского хозяйства Набиев представил ему скромного симпатичного парня как молодого предпринимателя, нуждающегося в протекции. Помнится, Герман Андреевич еще удивился, чем же он может быть полезен. Оказывается, услуга требовалась небольшая — познакомиться Суворова с Громовым. Это предложение еще больше удивило Дубровского. Насколько он знал, а знал он это точно, Набиев, как глава департамента сельского хозяйства, ведал вопросами назначения первых руководителей пищевой промышленности области. Соответственно Громов находился в его непосредственном подчинении. Зачем же был нужен Дубровский? Ответ пришел позднее. Эта хитрая лиса Набиев, слегка побаиваясь неукротимого характера Громова, через Дубровского пытался подсунуть на комбинат «нужного» человека. Зная о теплом отношении директора «Сокола» к Герману Андреевичу, Набиев не сомневался в том, что протекция Дубровского будет полезной. Так оно и вышло. Суворов был представлен Громову как предприниматель, занимающийся реализацией винно-водочных изделий. В беседе молодой человек проявил осведомленность о состоянии дел на комбинате, дал понять, что заинтересован в развитии ликероводочного производства, предложил свои услуги по реализации продукции. С последним у предприятия в тот период действительно были трудности. Так что общий язык Громов и Суворов нашли быстро.

О дальнейших событиях Герман Андреевич узнавал из нечастых разговоров с Громовым по телефону и во время редких встреч в коридорах здания областной администрации. Молодой человек развил кипучую деятельность. Однако же созданные им фирмы-реализаторы постепенно перестали рассчитываться за получаемую продукцию. Их долг перед комбинатом исчислялся уже миллиардами рублей. Георгий Иванович нервничал, издал распоряжение о запрете отпуска продукции этим фирмам без предоплаты. Это решение, естественно, пришлось не по душе многим, включая Суворова. Этот молодой бизнесмен с обаятельной внешностью оказался очень напористым, а точнее, нахальным, но избавиться от него было уже невозможно. Супруга Георгия сетовала на то, что муж стал нервным, раздражительным, жаловался на здоровье. Она просила повлиять на него, заставить взять хотя бы отпуск. Незадолго до смерти Георгия Ивановича она, плача, говорила о своих дурных предчувствиях. Дубровский пытался успокоить женщину, полагая, что супруга Громова просто нагнетает обстановку.

— Клавдия, перестань! У тебя героический муж. Вот увидишь, все будет хорошо, — говорил он с легким оттенком иронии. — Волноваться нет никаких оснований!

— Как это никаких? Вчера вечером незнакомый мужской голос спросил Геру по телефону: «Ты разве еще не умер?»

...Вот если бы тогда он задумался! Хотя что бы он мог предпринять? Пожалуй, ничего. Даже тогда, после гибели Громова, он не знал истинных мотивов трагедии. Лишь после получения повестки и первой беседы в прокуратуре области правда открылась ему в

своем безжалостном свете. Тот, кого он рекомендовал своему старому товарищу в тот далекий июльский день, тот обаятельный молодой мерзавец и стал причиной гибели Георгия Ивановича Громова.

Тишину прорезал телефонный звонок. От неожиданности Дубровский вздрогнул. Скорее всего это была супруга. Да, ему пора бы уже быть дома.

— Добрый вечер, Герман Андреевич! — раздался в трубке хорошо знакомый вежливый голос.

У Дубровского привычно засосало под ложечкой. Ладони почему-то стали влажными.

— Что вам опять нужно? — сухо поинтересовался он.

— Всего лишь встретиться с вами. Обещаю, это не займет много времени, — бесстрастно продолжал голос.

— Хорошо, давайте завтра. С утра, — предложил Дубровский.

— Сегодня. Ждите через час возле вашего дома, — закончил дискуссию собеседник. — Да, и еще... Пусть охрана не вмешивается. Обещаю, *сегодня* вам ничего не угрожает. Это просто разговор.

Повесив трубку, Дубровский невидящим взглядом уставился в окно.

Опять они... С самого начала следствия по делу Суворова его не оставляли в покое. Вежливые молодые люди призывали Дубровского к благоразумию. Именно в этой неизменной вежливости скрывалась жестокая по своей беспощадности угроза. Его даже не просили лгать, а всего лишь немного придержать информацию, известную ему из телефонных бесед с Грозовым. А еще с ними была девушка... Какую роль играла она во всей этой истории, Дубровский не знал, но что-то неуловимо настораживающее бы-

ло в жестком взгляде миндалевидных глаз, заметной напряженности кукольного личика. Она только присутствовала при разговорах, не вмешиваясь в беседу. Но что-то подсказывало Герману Андреевичу, что это присутствие вряд ли было случайным.

Самое неприятное заключалось в том, что Дубровский не мог их выгнать, каким-либо образом поставить на место. Что-то в последний момент оставляло его. Вряд ли это был страх. Возможно, простая осторожность? Тем не менее Дубровский знал, что на суде выскажет все, о чем умалчивал ранее. Прости, Георгий, и подожди... до суда.

Герман Андреевич прервал размышления. Был уже поздний час. Вероника, должно быть, уже зажда-лась. Пора ехать. Закрывая тяжелую дверь собственного кабинета, Дубровский уже без удивления вспомнил, что *им* известен адрес его дома...

Неприметная «десятка» уже стояла под сенью раскидистого тополя, когда машина Дубровского пересекла двор. Попросив охрану остаться, Герман Андреевич вышел в промозглую сентябрьскую ночь. Подняв глаза вверх, он быстро нашел знакомые окна. Их теплый свет, пробиваясь сквозь хмарь ненастья, приятно согрел сердце. Должно быть, Вероника уже волнуется, поминутно поглядывая на часы. А Софья Илларионовна, успокаивая хозяйку, прикидывает, не пора ли разогреть поздний ужин. На кухне привычно тикают старинные часы, а мохнатый любимец Лизы — спаниель по кличке Бакс — уже дремлет, свернувшись калачиком в прихожей.

— Еще раз добрый вечер, Герман Андреевич. Приносим извинения за столь позднее рандеву! Сами понимаете, дело не терпит отлагательств, — приветли-

во ослабился здоровенный детина. Его побитое оспой лицо не выражало видимой уgroзы.

— Не понимаю, у вас ко мне что-то срочное? Если так, то говорите быстрее. Я тороплюсь, — начал Дубровский.

— Что вы, что вы... Мы вас не задержим. Хотели просто поинтересоваться, как прошел ваш визит в прокуратуру. Уверены, что все нормально? — поинтересовался рябой.

Кукольная девица, стоящая неподалеку в компании двух молодых спортивного вида молодцев, внимательно следила за ходом разговора. Лицо ее напряглось.

— Надеюсь, все так, как мы с вами уже обсуждали, — настырно интересовался здоровяк.

Эх, с каким бы удовольствием Герман Андреевич плюнул сейчас в эту самодовольную рожу! Да еще бы хорошенько растер кулаком. Высказал бы все, что месяцами копилось на сердце. За себя, за Георгия... Ну почему он, Герман Дубровский, вспыльчивый и резкий, не привыкший прощать подлость, ненавидящий людскую низость, стоит сейчас как истукан?

Вместо того Дубровский тихо ответил:

— Да-да. Все именно так, как договорились.

Рябой заулыбался еще шире:

— Приятно иметь дело с разумным человеком. Недаром Александр Петрович Суворов так на вас надеется. Кстати, вам от него горячий привет. Будьте здоровы, Герман Андреевич. И помните: у вас такая очаровательная дочь...

Закончить он не успел, поскольку Дубровский крепко держал его за ворот. На помощь уже спешила охрана. Но вмешательства ее не потребовалось. Спутники рябого среагировали моментально. По знаку кукольной девицы они оттащили здоровяка от Дубровского и запихнули его в машину.

— Простите, Герман Андреевич. Надеюсь, у вас все в порядке. Простите за досадное недоразумение. Больше такого не повторится, — первый раз услышал он мелодичный голос «куклы». — Прощайте.

Наблюдая, как темная «десятка», взвизгнув тор- мозами, поспешно покидает двор, Дубровский вдруг схватился за сердце.

— Вам плохо? — участливо спросил молодой ох- ранник Володя.

— Нет-нет. Все нормально. Устал очень... Надо бы домой, — поморщился Дубровский.

Тупая ноющая боль, растекаясь в груди, каза- лось, заполняла собой все пространство. Сковывая движения, она подбиралась к сердцу. Промозглый осенний воздух вдруг начал накаляться. Стало нечем дышать. Внезапно все закружилось в восхититель- ном вальсе: жухлые листья полуголых деревьев, тем- ное мрачное небо с редкими блестками звезд, пере- пуганные лица охранников. Они крутились все бы- стрее и быстрее, вовлекая Дубровского в бездонный смертельный водоворот.

Совершенно некстати вдруг вспомнилась ему фраза, сказанная сегодня следователем прокурату- ры: *«Можете быть спокойны. Суворов не уйдет от ответственности. Его предали. У нас есть показания, которые произведут эффект атомного взрыва в Хиро- симе»*.

Суворова предали? Но кто же предатель? Одно Дубровский знал определенно: этого человека ждет смерть. Смерть медленная, мучительная и оттого еще более страшная...

Последнее, что увидел Герман Андреевич, перед тем как потерять сознание, были теплые ждущие ок- на любимого дома.

Вечером того же дня, укрывшись в уютной кабинке ресторана «Атриум», Лиза сообщала последние новости Макс. Тот, снисходительно улыбаясь, выслушивал восторженный поток речи своей подруги. Выждав паузу, он взял руку девушки:

— Знаешь, я действительно очень рад за тебя. И у меня для тебя есть сюрприз. Понимаю, что это банально, но, прости, ничего не мог придумать оригинального...

С этими словами он вынул из кармана длинный бархатный футляр. Открыв его, Лиза восхищенно замерла. На мягкой замшевой подушечке, сверкая зелеными капельками изумрудов, лежал изящный браслет.

— Ну, как тебе? Надеюсь, не очень ужасно? — тихо спросил Максим.

— Что ты! Такая прелесть! — восторженно начала Лиза, но потом осеклась. — Только я не совсем поняла, по какому поводу подарок? По случаю начала новой трудовой жизни, так, что ли?

Макс смутился:

— Нет... То есть да. Впрочем, конечно. Новая жизнь, только другого плана. Короче... — Тут он собрался с духом и, не глядя на Лизу, выпалил: — Давай поженимся.

Лиза не выдержала и расхохоталась.

— Макс, ну ты оригинал! Предлагая руку и сердце, дамам обычно дарят кольцо.

Макс смутился еще больше. Обычно уверенный в себе, в этой ситуации он чувствовал себя как герой дешевого сериала, и эта роль его явно не устраивала.

— Извини, я не понял ответа. Ты не согласна?

Этот прямой вопрос, требующий такого же ответа, обескуражил Лизу.

Что она, собственно, о нем знала? Сынок обес-

печенных родителей, Максим Лисицын, как, впрочем, и Елизавета, не знал, что такое нужда, длинные магазинные очереди, продуктовые талоны. Далекое советское детство запечатлелось в его памяти вереницей приятных воспоминаний: рокотом бархатных волн Черноморского побережья, привольем обкомовских дач, сказочными подарками на Новый год и день рождения, белой отцовской «Волгой» с персональным водителем дядей Мишей. Другие воспоминания, прячась в тайниках сознания, редко выплывали наружу. Сопливые дворовые пацаны с вечно драными штанами, смолящие сигаретки в подвале тайком от родителей, не упускали случая поддать тумака «буржуйскому» отпрыску, окатить грязью новенький венгерский костюм, подставить подножку на перемене. Терпкий осадок собственной беспомощности, обида и элементарный страх, сотню раз прокручиваясь в детском мозгу, заставляли искать выход. Обладая от природы гибким, изворотливым умом, с лихвой компенсирующим отсутствие физической силы и храбрости, Максим сделал ставку на покровителей. Таким стал здоровенный восьмиклассник, которого дворовая ребятня окрестила почетным прозвищем Пахан. Сын школьной уборщицы и трижды судимого зэка быстро согласился на выгодную сделку. Получая скромное вознаграждение в виде части школьного завтрака, которое заботливая мать Максима каждое утро укладывала сыну в ранец, Пахан быстро приструнил особо шустрых пацанов.

Избавившись таким образом от отдававшей горечью проблемы, Макс мог вздохнуть свободно. Приятный, с иголочки одетый, всегда вежливый мальчик был глубоко симпатичен как пожилым, так и молоденьким учительницам средней школы. Даже

суховатая седовласая директриса, чрезвычайно строгого нрава женщина, находила в нем качества, давно, по ее мнению, утерянные современным поколением: воспитанность, благородство, неизменную корректность по отношению к взрослым. А вот физируку, молодому двадцатипятилетнему здоровяку, Макс так не приглянулся. Испытывая видимое удовольствие, тот постоянно высмеивал скромные физические возможности парня. Девчонки давились от хохота, выслушивая остроумные комментарии молодого преподавателя. Решение, как избавиться от докучливого внимания физкультурника, а заодно и от него самого, пришло не сразу. Используя особое расположение директрисы, Макс как-то в одном из частных разговоров с ней, краснея, признался в том, чему сам якобы был свидетелем. Физрук подглядывал в раздевалку девочек. Будучи дамой незыблемых моральных устоев, директриса успокоила взволнованного мальчишку и приняла срочные меры. Физрук с треском вылетел из школы, даже не подозревая, что стал жертвой вендетты четырнадцатилетнего школяра. Это происшествие стало для него знаковым — он нашел линию поведения. В дальнейшем покровители и покровительницы, сменяя друг друга на разных этапах жизни молодого человека, позволяли ему вести приятную во всех отношениях жизнь, лишённую досадных помех. Лишь однажды четко налаженная система чуть не дала сбой. Являясь помощником молодого перспективного депутата Законодательного собрания области, Макс чуть не влип в неприятную историю. Лишь своевременное вмешательство родителей позволило ему избежать тюремной камеры и остаться в числе свидетелей, а не соучастников. Пережив это жизненное испыта-

ние, Максим Лисицын решил впредь относиться к выбору покровителей более осторожно.

Обо всем этом Елизавета, конечно же, не знала. Перед ней сидел красивый молодой мужчина с хорошими манерами, уверенный в себе, даже несколько надменный, что выдавали ироничный прищур глаз, горделивая посадка головы, элегантный, даже несколько щеголеватый костюм. Любила ли она его? Об этом Елизавета даже не задумывалась. С ним было приятно проводить время, он был интересным собеседником, да и, чего греха таить, в постели с ним было хорошо. Изобретательный нежный любовник, внимательный и страстный. Елизавета получала истинное наслаждение, проводя с ним бурные ночи то в пустующей квартире его друга, то у него дома. Родители Макса всячески способствовали этой связи, считая Лизу подходящей партией. Постепенно Елизавета привыкла к нему как к необходимой вещи, делающей ее жизнь милой и комфортной. Как к любимому игрушечному мишке, которого каждый вечер она укладывала с собой на подушку. Подаренный на ее десятилетие, плюшевый любимец уже изрядно истрепался, но, чтобы выбросить его или же просто заменить, Лиза и думать не могла. Да, удивил Макс... Надо же — женитьба! Отказаться вроде бы глупо. Все Лизины подруги были от него без ума. Еще бы — красивый, богатый, перспективный... У женщин пользуется успехом. Достаточно взглянуть на ту блондинку у барной стойки с ошеломительным декольте, которая уже в течение часа пялила на него глупые голубые глаза.

— Знаешь, Макс, это все так неожиданно. Мне нужно время подумать... — неожиданно для себя сказала Лиза.

Заметив обиженное выражение лица своего приятеля, Лиза быстро приняла решение:

— Давай будем считать это нашей помолвкой. Ты не против? А со свадьбой решим все в ближайшие месяцы, — очаровательно улыбнулась она.

Макс облегченно вздохнул. Морщинка, прорезавшая высокий лоб, исчезла. Он снова был в прекрасном настроении.

— Думаю, это событие стоит отметить. Едем ко мне?

Проходя мимо барной стойки, Лиза тайком показала блондинке язык.

Утро, рассыпав по тротуару блестящие зеркала луж, неторопливо подкрашивало небосвод в яркие солнечные тона. Елизавета возвращалась домой в приподнятом настроении, ничуть не переживая о том, что родители, вероятно, волнуются по поводу ее отсутствия. Мысли ее витали где-то очень далеко и совсем не желали спускаться на грешную землю. Прыгая через лужи, Елизавета прикидывала, стоит ли родителям говорить о помолвке. Мама, конечно же, будет в восторге. Но вот отец... Герман Андреевич не приветствовал дружбы своей дочери с Лисицыным. Называя его не иначе как «хлюстом», Дубровский тем не менее не имел убедительных аргументов, способных бросить тень на безупречную репутацию Макса. Разве что его абсолютная безупречность. Она-то и настораживала Дубровского, который искренне полагал, что у хорошего человека недостатки должны быть в обязательном порядке. И если их не видно, то это лишь означает, что они умело скрыты и могут выскочить наружу в тот момент, когда ты к этому совсем не готов. В ответ на столь абсурдные, по ее мнению, слова Вероника Алексеевна лишь по-

жимала плечами и советовала не морочить девочке голову.

Лиза невольно улыбнулась, вспомнив события прошлого дня. «Нужно будет пометить этот календарный день крестиком», — подумала она. Еще бы! Получение престижного места в крупнейшей адвокатской фирме города и предложение руки и сердца в один день. Да она просто бессовестно счастлива! Невероятно счастлива! А вчерашний день был только прелюдией к началу новой жизни, щедро распахнувшей ей свои объятия.

Взлетев в одно мгновение на площадку третьего этажа, Лиза позвонила в дверь. Кажется, никто не торопился ей навстречу. Нетерпеливо стукнув пару раз кулаком в мягкую дерматиновую обивку, Лиза для пущей убедительности добавила еще пару ударов ногой по дверной коробке. Наконец за дверью раздались чуть приглушенные шаркающие шаги. Софья Илларионовна открыла дверь.

— Ну, спасибо! Я уж думала, меня здесь не ждут, — начала Лиза, но что-то вдруг заставило ее остановиться. — Няня, что с тобой?

Подбородок старой женщины задрожал. Слезы уже знакомой дорожкой заструились по доброму морщинистому лицу. Срывающимся голосом она тихо произнесла:

— Держись, милая. Папы больше нет...

Секретарша Мариночка робко перешагнула порог кабинета Грановского и в нерешительности остановилась.

«Хозяин» (именно так за глаза его величала Марина) был занят. Легкой щеточкой он сметал почти невидимую пыль с антикварных штучек, в изобилии расставленных в той части кабинета, которую Гра-

новский называл «презентационной». Здесь нашлось место паре глубоких кожаных кресел, столику-бару и всему тому, что нужно для создания непринужденной обстановки. Все остальное пространство занимали полированные стеллажи, на которых в строго отведенных местах грели взгляд хозяина и изумляли респектабельных господ многочисленные, совсем не пустячные подарки благодарных клиентов.

Всякий, кто шел к Грановскому, знал, что самый верный путь добиться согласия на ведение его дела — вовсе не пухлый конверт с гонораром, это подразумевалось само собой, но перед этим требовалось поразить адвоката диковинкой из лавки антиквара. Всякий новый эксклюзивный подарок подолгу грел глаз хозяина. Грановский время от времени брал его в руки, укачивал в ладонях, стирал невидимые пылинки и вновь отправлял на полку. Но далеко не все, что приносили в этот кабинет, занимало свое место в «презентационной». Нередко по только ему известным критериям презент браковался, а через некоторое время завсегда таи антикварных лавок встречали указанный реликт на прилавке. Зато остальные занимательные вещицы составляли одну из богатейших коллекций города. Приятные во всех отношениях заботы по уходу за старинными вещами Грановский не доверял никому. Как-то раз растяпа-уборщица разбила одну из миниатюрных китайских ваз не то начала XIX, не то более раннего века. По скудости ума она не сразу сообразила, что маленькая невзрачная вещица с полустершейся позолотой и неброским рисунком представляет какую-либо ценность. Дома ее муж слесарь Петюня вполне прилично склеил вазочку суперстойким клеем, и на следующий день она заняла свое привычное место на стеллаже в кабинете хозяина. Не прошло и недели, как